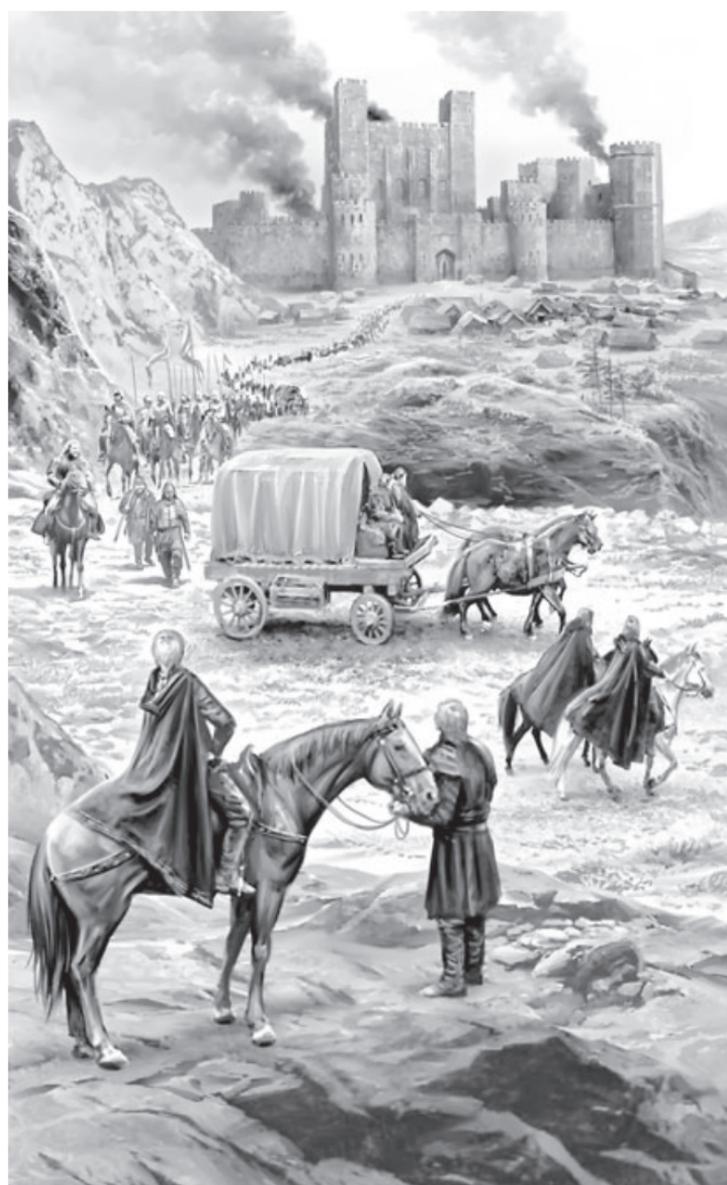

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Анастасии Машевской
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**КЛИНОК БОГИНИ, ГОСТЬ И РАБ
КОПЬЕ И КОСТЬ**

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Анастасия МАШЕВСКАЯ

КОПЬЕ И КОСТЬ

Роман

Москва, 2017
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М38

Серия основана в 2004 году
Выпуск 660

Художник
И. Воронин

Машевская А.

М38 Копье и кость: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 377 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2524-2

Бану не зря нарекли Матерью лагерей — вся ее жизнь сузилась до походных шатров и переправ. Никто не видел ее отдыхающей, никто не знал, как черны сомнения в ее сердце. Каждый день Бану встречала рассвет, повторяя: сегодняшний бросок, сражение, штурм — не напрасны. Но как долго она еще сможет убеждать себя, что война имеет смысл, если ее надежды тают, как весенний лед, одна за одной? Если в собственных рядах исчезает доверие? Если семейные узы не значат больше ничего и все теперь зависит от того, в чьей руке зажата последняя игральная кость?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Анастасия Машевская, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2524-2

ГЛАВА 1

Лето стояло в разгаре.

Воинство под пурпурными и голубыми стягами двигалось на северо-запад. Люди быстро загорали, изнывая от духоты. Ничего удивительного — в Долине тысячи рек летом всегда стоит нестерпимая жара.

— Великая Мать, как в пропаренной купальне!

— И не говори! — иногда ловила ухом танша на дневных биваках.

«Если это купальни, то ласбарнские пустыни — печь для сжигания людей заживо», — думала Бану в такие моменты. Интересно, а мог Гор податься именно в Ласбарн? Хотя с чего бы...

Тренироваться в это время было трудно, и Бану с Маатхасом решили как можно быстрее совершить бросок до Бенры — одной из самых могучих и полноводных рек Яса.

Переходы были стремительны, и разговоров было немного. Отличный шанс оглянуться и окинуть взглядом все, что осталось за плечами. Или на плечах? Ритмично раскачиваясь в седле, Бансабира невольно вспоминала, как уже в пять, в доме отца, влезала на лошадь, цепляясь за гриву тонкими пальчиками. В шесть — теперь Бану помнила хорошо — она впервые встретила Маатхаса в урочище Акдай, куда поехала с отцом, таном Сабиром Свирепым. Сейчас танша поглядывала на Маатхаса, что скакал сбоку и держал коня вровень с Бану, и спрашивала себя: помнит ли он?

В семь вышла в море с братом-бастардом Руссой — незабываемые впечатления! Бьющие в борта яростные волны и удаляющийся китовый хвост — Бану многое отдала бы, чтобы увидеть их вновь. Может, шанс еще представится, если ей посчастливится выжить в Бойне Двенадцати Красок.

Ее начало Бансабира тоже помнила отлично. И стоило подумывать об этом, губы женщины вытянулись в прямую линию.

Ей тогда по-прежнему было семь, они семьей гостили в крепости Сулаввах, недалеко от границы ее родного Пурпурного танаара и земель соседа — лазурного тана Маатхаса. Была свадьба и торжество, и — коварная атака Алого дома за право выхода к Северному морю. Началась Война Розы и Бирюзы — Шаутов и Маатхасов, — но в считанные недели в нее втянулись все двенадцать танов Яса, и континент потонул в крови.

Бансабиры эти дни уже не коснулись: потерявшая мать во внезапной стычке с алыми, она скиталась по Ясу несколько месяцев, пока не встретила Гора. Он спас ее и увез. Когда Бану вошла в Храм Даг, что раскинулся белой крепостью посреди Великого моря, ей все еще было семь.

Гор — легенда из легенд Багрового храма, первый номер в сто шестом поколении Клинков Матери Сумерек, наставник Храма Даг — измывался над ней до последнего дня обучения. Он научил ее убивать врагов, как она и мечтала; он позволил ей разделить свое девичество с юношей, который был дорог; он заставлял ее пытаться людей, показал море и красные пески Ласбарна; он спасал ее жизнь всякий раз, когда кусали змеи или били люди, он даже взял ее в странствие, в котором Бансабира встретила Верховного друида Этана — почтенного Таланара Тайи! И тем не менее он измывался над ней. Потому что все самые суровые раны подарил своей рукой. Потому что едва ли не каждую зашивал сам. Потому что Астороше, который стал для Бану первой любовью, Гор искалечил жизнь.

И ей тоже. Поэтому, когда обучение закончилось, Бану сбежала из храма. Чтобы вернуться к отцу и убивать врагов. А иначе зачем еще было терпеть этого выродка почти восемь лет?!

Бансабира перевела дух в седле, когда конь прыгнул через брошенное на тракте бревно.

Навыки в конной езде часто помогали выжить. Отец принял вернувшуюся воительницу-дочь без вопросов, вернул ей право наследования, как первенцу. А потом всучил три тысячи солдат и отправил воевать. Бойня Двенадцати Красок горела всеми огнями на карте Яса, и Сабиру нужны были любые силы. Он наказал дочери невидимой тенью следовать за Маатхасом и по-

мочь ему, если у лазурного тана будут проблемы при атаке оранжевого.

О, у Маатхаса тогда была масса проблем! И у Бану — тоже. Со всех сторон ее обступали то синие Наадалы, то черные Дайхатты, то оранжевые Ююлы, то — чаще всего — алые Шауты. И всегда, всегда в спину дышал недовольный их родством дед — тан Сиреневого дома Иден Ниитас. Если бы не помощь Рамира Внезапного, давнего товарища по Храму Даг, Бану точно не справилась бы: только разведка этого малого позволяла ей маневрировать среди врагов с тающими тремя тысячами.

Многое легло на плечи за первый год участия в походе: выжженные дотла крепости, запятанные офицеры, вырезанные безоружные селяне. Но страшнее всех были осады, особенно та, когда на помощь осажденным оранжевый тан выслал подкрепление, превосходящее силы Бану вчетверо. И когда атаку удалось разбить — Гобрий, отличный командующий, потерял в той битве глаз, — оранжевые выгнали тысячи женщин и детей, чтобы продовольствия, запасенного за стенами крепости, хватило дольше.

Бансабиру передернуло прямо в седле. Так сильно, словно судорогой свело все мышцы разом. Плач детей и женщин, которых, если не разойдутся сами, она приказала расстрелять из луков и арбалетов, снился всякий раз, как удавалось заснуть. Благо это случалось нечасто: то Рамир приволок ей плененную Сциру Алую, в чьей засаде погиб отец Маатхаса; то она сама, особенно в последние дни, стала ночами размышлять о попутчике.

Сагромах Маатхас просидел в окружении оранжевых Ююлов несколько месяцев и, когда Бану перетянула на себя часть их сил, пробил кольцо осады изнутри. Он был признателен за помощь. Освободившись, взял ставку дома Ююл, чем полностью сокрушил Оранжевый танаар, и отправился сказать «спасибо». Однако, как выяснилось при встрече, Сагромах оказался стократ благодарней за возможность снести голову Сциры Алой собственными руками — Бану вручила ему молодую генеральшу Шаутов как трофей.

С тех пор они проводили вместе много времени, и если сначала Бансабира говорила себе, что лазурный тан просто напоминает ей нравом Астароше, то теперь была вынуждена при-

знать: она все реже искала в поведении Сагромаха черты возлюбленного из Храма Даг. Может, все дело в том, что отец, посылая ее на запад страны в качестве подмоги союзному тану, имел какой-то умысел на их счет? Когда слишком долго смотришь на то, что должно стать твоей судьбой, перестаешь понимать: а было ли так предначертано на самом деле.

Бансабира присматривалась к Сагромаху искоса, украдкой. Как он держит поводья, как сидит верхом, как хмурит черные брови, как щурится, вглядываясь вдаль. Его невозможно прочесть, но он тоже наверняка все понимает. В негласном союзе северян Яввузы всегда держали за собой право последнего слова, поэтому, если Сабир Свирепый что-то задумал, их с Сагромахом спросят только из вежливости.

Недалеко от выбранного тракта пролегла Вильха — крупная широкая водная лента, пересекающая открытую со всех сторон равнину. Гулявшие в долине ветра обдавали легким бризом, местность позволяла в случае опасности увидеть врага издали, словом, таны дали добро ненадолго стать лагерем.

Отрабатывать индивидуальное мастерство и групповые маневры стало легче — свежесть прибавила сил. В один из дней, закончив с учениями своих солдат, Маатхас отправился к Бансабуре. Они быстро обрели привычку вместе обедать и ужинать, и тан успел привязаться к размеренной речи Бану. Кажется, на его памяти она одна могла говорить так бесстрастно о любых на свете вещах, и только глаза — мертвые с другими — с ним всегда выдавали какое-то чувство. Удивительные глаза, признавал Сагромах, особенно в полумраке, когда в них одновременно читались печаль, усмешка и какая-то роковая решимость. Да и сама Бану с наступлением темноты делалась совсем другой.

Он не мог понять, что Бану научилась у солнца блистать, отвлекая внимание от истины, которую познавала от луны, но уже безошибочно знал, что Бансабуре — дитя тьмы. Верное, послушное чадо, не страшась родителя, даже если что-то в нем и внушает тревогу.

Сагромах догадывался, что именно, но даже не думал спрашивать наверняка. Если Владыка Вод и Мать Земли будут ми-

лостивы, в одну прекрасную ночь Бану сама расскажет все как есть.

— Где тану Яввуз? — спросил Сагромах, не застав Бансабиры у себя.

— Не возвращалась еще с утренних упражнений.

До сих пор? Ладно, не в первый раз.

— Охрана с ней?

— Да, — ответил стражник.

— А Юдейр?

— Тоже.

— Далеко отсюда?

— Не знаю, — пожал плечами стражник. — Но уезжали утром в ту же сторону, что обычно.

Маатхас кликнул оруженосца, вскочил в седло и с летящим сердцем поехал в указанном направлении.

Далеко впереди показался человек. Он неторопливо шел вдоль берега с таким видом, будто ничто в мире его не волновало. Не то чтобы лениво слонялся от нечего делать — просто шел, останавливался, шел в обратную сторону, останавливался, смотрел на другой берег и вновь шел. Одет в черное, в руке — сверток ткани. Он давно заметил всадников, а всадники его — недавно.

— Должно быть, лазутчик, — подсказали Бану охранники.

Танша промолчала и велела ехать навстречу страннику. Последний, поняв, что конная группа направляется к нему, перестал разгуливать и замер.

«Ага, должно быть», — хмыкнув, мысленно подтвердила Бансабира, когда смогла опознать путника. Она воздела правую руку, левой натянув вожжи.

— Ждите здесь. — Спешилась, вручив поводья сидящему по соседству Одхану, и в одиночку продолжила путь.

По мере того как она уходила от телохранителей, Маатхас, напротив, их нагонял.

— Не боишься, что нас заметят? — спросила Бану.

— Парням, которых взял с собой, я доверяю, как тебе, а те, что могут доставить проблемы, уже давно заподозрили неладное и метят на мое место. Ну понятно, что через мою же собст-

венно голову, преподнесенную старому Шауту. Я, само собой, делаю вид, будто ничуть не понимаю происходящего.

— Стало быть, мне стоит поторопиться?

Рамир покачал головой:

— Не настолько, чтобы перестать получать удовольствие от событий.

— Все равно, не ожидала встретить тебя здесь. К тому же так открыто.

— Сам не ожидал, что наткнусь на тебя именно тут. Думал, придется подгадать ночь и опять через поверенного вытаскивать из лагеря или пробираться самому под видом твоей тренировки. Но пару дней назад уловил, что к чему, и решил хоть раз увидеться под солнцем, — ответил Рамир. — Правда, не думал увидеть здесь столько свидетелей. Они что, повсюду за тобой таскаются?

— Забудь о них, — отмахнулась женщина.

— Тебе виднее.

— Наконец-то перестал «выкать», — хмыкнула Бану. — Как ты здесь оказался?

— Я же разведчик, — усмехнулся Рамир, присаживаясь на песок. — Я обязан уходить далеко вперед. Например, сейчас моя задача — посмотреть, что делается на этой стороне переправы, в тридцати милях от лагеря алых, и убедиться, что здесь никого нет, — улыбнулся, взглянув снизу вверх на стоявшую рядом женщину.

— Ты пришел пешком? — Бану спросила так, будто сама уже ответила «нет».

Рамир наигранно развел руками:

— Мы с тобой ласбарнские пески переходили, а ты удивляешься такой незначительной прогулке.

Бансабира молчала и смотрела на мужчину до того выразительно, что тот, вновь отвернувшись к реке, вынужден был продолжить:

— Меня ждут милях в трех отсюда, велел им уложить коней на землю, сесть рядом и укрыться зелеными плащами.

Бану кивнула.

— И ради чего ждут?

Рамир посерьезнел:

— Мы кое-что нашли в одной из захваченных Маатхасом крепостей оранжевых. Кое-что, прекрасно увязывающееся с тем, что я прежде украл у старого Шаута. Кое-что, имеющее прямое отношение к дому нашей светлейшей государыни.

Бансабира огляделась — телохранители стоят неподалеку, где велено. И с отрядом, судя по всему, еще Маатхас ждет. Что он тут забыл? Может, какие новости.

Наклонилась, сняла полусапожки, развязала шнуровку вдоль голеней, закатала штаны до колен и зашла в воду. Блаженная улыбка расплылась по лицу. Наблюдавший Рамир вздернул бровь:

— А твои удалыцы не решат сейчас, что это я склонил тебя к разголению, и не помчатся выкалывать мне глаза?

Бану запрокинула голову от удовольствия, вызванного прикосновением воды к разгоряченным после тренировки ступням. Потом нехотя ответила:

— Нет, я же их потом заставлю себе глаза привыкалывать.

— Ну, это будет потом, а пока тебе может угрожать какой-то чудаковатый недомерок.

— Знаешь, среди них есть один, здоровый такой, я ему больше полугода не разрешала подходить ко мне ближе чем на двадцать шагов. Один раз он тоже решил, что это не относится к ситуациям, когда мне что-то угрожает, потом поумнел. И остальных он убедит, поверь.

Рамир пригляделся к стоявшим поодаль всадникам и засмеялся.

— Точно, такой может. Ну, раз так... — Мужчина стянул через голову тунику, оставшись в тонкой безрукавке. — Жарко.

Бансабира потянулась, глядя вперед, на сияющее солнце.

— Шаут захоронил голову дочери? — спросила довольно громко. Однако вода и ветер поглощали звук, и Рамиру пришлось напрячь слух, чтобы расслышать.

— Да, и прилюдно поклялся водрузить на ее могиле твою. Насаженную на пику, разумеется.

— Разумеется, — согласилась Бану.

— Возможно, он подберет, если ты вышлешь ему остальное.

— Остальное кормило псарни двое суток.

— Рачительная ты хозяйка, Бану, — неопределенно сказал Рамир.

— Да уж, — проговорила женщина.

Рамир заметил, как дрогнуло до того прямое плечо.

— Ты чего? — напрягся мужчина.

Танша глубоко вздохнула, обернулась и вышла из речки, сев рядом с разведчиком. К нескрываемому недовольству или недоумению тех, кто ожидал неподалеку.

— Больше года минуло с тех пор, как я ушла из храма и рассталась с Гором. И знаешь, Рамир, я, кажется, начинаю его понимать. Прежде я искренне верила, что он изверг, а сейчас понимаю — это не совсем так. Потому что, Рамир, мы все, все — Гор, ты, я, Шавна, Астароше, Ирэн Безлика, Габи, Ишли — все, кто прошел обучение в Храме Даг, мы все — изверги. Как будто нам вместе с черной саблей вбивают в кровь зверство. И боюсь, с годами нам все больше и больше будет чуждо человеческое.

Бану замолчала, точно связками зажимая ком в горле. Рамир понял все безошибочно.

— Бойня — страшная вещь, мы с детства знаем. Но бойня — для бойцов, это мы знаем тоже. При чем здесь те, кто не носил оружия и не отирал лоб кровью? Ты ведь об этом думаешь? — Бану продолжала молчать, закрыв глаза. — Они тебе снятся?

Она покачала головой:

— Нет. Они не дают мне уснуть. Всякий раз, когда я слышу громкий звук или, того хуже, лай собак — а эти треклятые волкодавы воют каждый день, — я вспоминаю тот плач. Пятидневный плач женщин и детей, сначала от безысходности, потом — от жгучей ненависти. Меня еще никогда никто так не ненавидел, Рамир, как они, когда поняли, что ворот я не открою, а весь провиант в округе давно зачищен.

Рамир не удержал вдоха:

— Ба...

Она перебила:

— Каждый раз, когда вижу командиров лучников, вспоминаю, как отдавала приказ перестрелять тех, кто не уйдет. Каждый раз, когда... кхгм, — осеклась, чувствуя, как от слез стеклеют глаза.

— Разве ты могла решить иначе?

— Не знаю.

Рамир нахмурился — явно надеялся услышать другой ответ.

— Гор учил тебя не сомневаться и не колебаться. Да и я, помню, пару раз говорил нечто подобное.

— Но не Гору пришлось отправить на тот свет тысячи непричастных к боине, безоружных людей. Ты сам носишь черную метку Матери. Ты знаешь, что Багровый храм велит беречь тех, через кого Великий Род вершит свой замысел. Это грех, в котором я не могу обвинить Гору, тебя или еще кого бы то ни было.

— Чтобы ты стала такой, Гору — как и многим из тех, кто вел групповые тренировки, и тем, кто вообще заложил основы Храма Даг, — приходилось изо дня в день быть жестоким. Думаешь, ты одна терзаешься собственной бесчеловечностью? Думаешь, Гор не думал, что ты и есть маленький вариант той, которую надо беречь потому, что через нее вершится промысел Рода? Ты ведь вошла в храм в свой первый день, не рабыней, а гостьей. Думаешь, Гор забывал об этом хоть на день? Ты, сколько тебя помню, хотела убивать врагов, и Гор сделал все от себя зависящее, чтобы помочь тебе. Разве ненависть и злость, что он расправил в тебе, не сделали тебя сильнее и свирепее, волчица? — Вопрос не требовал ответа, и Рамир продолжил: — Поверь мне, это решение каждый день давалось ему не без труда.

Бансабира замерла, оглушенная.

— Что ж, думаю, — проговорила женщина, переживая едва ли не самое сильное удивление в жизни, — думаю, имеет смысл поверить. В конце концов, вы из одного поколения. Ты его неплохо знал.

Рамир кивнул, не глядя на женщину и потирая саблю на левом плече.

— Верно, Бану. Поэтому вспоминай о том, что я рассказал тебе, всякий раз, как надумаешь терзаться. Беспощадным может быть только тот, кто сумел заставить себя быть таковым.

Возразить было нечего.

— Сила заставлять себя вообще присуща слишком немногим, — проговорила женщина вслух и неожиданно откинулась назад, распластавшись на земле. — Дан становится все лучше. Думаю, он имеет все шансы со временем стать отличным лидером. Точно не хочешь рассказать ему о себе?

— Точно. Даже если человек сильно и долго сожалеет о прошлом, он на самом деле не хочет, чтобы оно возвращалось, ког-

да он наконец научился жить в настоящем. Независимо от того, что человек потерял и что говорит окружающим.

— Ты слишком умен.

— Нисколько. У каждого есть часть прошлого, которую, представься шанс, прожил бы иначе. Только этим сожалением люди и учатся. Я же дурак дураком.

— Ну не такой уж дурак, — ответила Бану, принимая сидячее положение. — Ты ведь понимаешь, ради чего я снимала сапоги?

— Чтобы постоять в воде? — Два взгляда встретились. Взгляды, которые не были ни добрее, ни честнее за последний год ни с кем иным.

Рамир потянулся за сапогами танши и, подавая их, как-то неловко завалился на землю, что-то поправил в собственной штанине и, кажется, случайно что-то обронил в женскую обувь. Бансабира начала медленно надевать сапожки, оправляя форму, закрывая обратно голени и неспешно затягивая шнуровку.

— Как же неловко их прятать-то, — тихонько пожаловалась Бансабира, шелестя небольшими свитками. — Так, чтобы я еще и прочесть потом смогла.

— Уж изловчись. Мне все это тоже достается не без потерь.

— Мне вот интересно, Рамир... — Теперь, когда мужчина поднялся, Бану смотрела на него снизу вверх. — Ты точно не производишь из знати? Я понимаю, почему такой дрянью занимаюсь я: это дело моей семьи и обязанности дома, к которому я принадлежу, — но никак не уловлю, почему во всей этой каше замешан ты. Больше того, почему ты жертвуешь столь многим и делаешь столь непростое за не самую значительную плату?

— А что такое «значительная плата», Бану? — добродушно улыбнулся Рамир, натягивая тунику. — Если мне хватает, значит, цена уплачена и вполне достаточна.

— В таком случае он будет жить столько, сколько тебе нужно. Но, — воздела указующий перст, — только после того, как проживет столько, сколько нужно мне.

— Да понял уже, — засмеялся мужчина и протянул Бансабире руку, помогая встать. Женщина отряхнулась и огляделась. Ждут. Хорошо, как борзые на изготовку.

— Я бы спросила, что ты намерен делать дальше, после того как для тебя все закончится, но, думаю, уже знаю следующий твой шаг.

— Пожалуй, — хмыкнул мужчина с пониманием. — Береги себя, Бану.

— И ты себя, Рамир.

Они улыбались, солнце играло в их волосах, и река с шепотом уносила все печали. Особенно те, что так и не сошли с уст.

Бансабира возвращалась к ожидавшим ее мужчинам. Солнце жгло спину.

— Доброго дня, тан, — вежливо сказала женщина, принимая от Одхана уздцы коня и забираясь в седло. — Не стоило утруждать себя ожиданием.

— А вам не стоило заставляя меня изнывать от голода. Признаться, время обеда. — Маатхас почесал бороду, усмехнувшись. В груди закопошилось какое-то страшное древнее чудовище, которое подначивало мужчину тотчас же вцепиться в Бану, затрясти и потребовать ответа — что это за недомерок с ней флиртовал?! Сагромаху стоило немалых трудов сдерживать зверя.

— Тогда пойдемте, растрясем толстопузых кашеваров! Я, честно говоря, сама готова съесть медведя, — как ни в чем не бывало отозвалась Бансабира.

— Боюсь, с ними здесь не так просто, — пошутил тан, пока они еще сдерживали коней. Те нетерпеливо переминались с ноги на ногу, пофыркивая. Маатхас еще разок почесал подбородок — с другой стороны.

— Да сбрейте вы эту свою ценность! В таком пекле совсем не холодно, — усмехнулась женщина, старательно скрывая желание самой хоть раз дотронуться до его бороды, до его худого лица. Хотя бы — до его ладони сейчас.

— А вдруг я скоро вернусь на север?

Пустились галопом. Маатхас всю дорогу, стараясь не выглядеть сильно мрачно, размышлял над тем, что Бану, должно быть, нравятся гладко выбритые мужчины. Вон тот выродок, которому она битый час улыбалась и с которым вела себя естественнее, чем иные держатся с лучшими друзьями, совсем не носил ни бороды, ни усов. И еще был скорее среднего сложе-

ния. Возможно, Бансабира недолюбливает крупных мужчин — не зря же она вечно гоняет несчастного Раду больше всех остальных.

Может, в свое время ее обидел какой-нибудь увалень?

Думать об этом было совсем неприятно, и Маатхас продолжил оценивать того неуклюжего недоумка, который даже сапог нормально подать не может.

Когда тан и тану наконец уединились за обедом, Бансабира в ответ на расспросы Маатхаса рассказала о четырех новобранцах в личном отряде телохранителей, а заодно о намерении сняться с лагеря в течение суток.

Выставив мужчину за полог после трапезы, развернула послания Рамира, велев страже снаружи под страхом смерти никого не впускать. Пристально вглядываясь в каждую строчку, Бансабира со все бóльшими усилиями сдерживала нарастающую ярость.

Бенра под солнцем блистала. Полноводная, могучая жила, питавшая всю середину Яса. Богатая рыбой и птицей, она соединяла многие земли — от владений черных Дайхаттов на западе до Зеленого дома Аамутов на востоке; многочисленные рукава и притоки ее, подобно вьюнам, стелились во все стороны на далекие мили, образуя щедрую, плодородную Долину тысячи рек.

С тех пор как Война Розы и Бирюзы — Шаутов и Маатхасов — разрослась в Бойню Двенадцати Красок, Бенра утратила часть богатств, поглотила множество кораблей, железа и мореходов, не желая того, очернила себя грязью человеческих междоусобиц. Но, кажется, совсем не ubyло от этого ее величие, не оскудели тучные стаи рыб, и по-прежнему большая волна прибывала к берегу седым серпом пены.

Здесь-то и ждал единственную дочь-тану и союзника-тана Сабир Свирепый.

Он вышел встречать прибывающих лично. Не сдерживаясь, Бану быстрее загоняла коня, привстав в седле, отрываясь от остальных вместе с телохранителями и Юдейром. В последний момент, натянув вожжи, ловко соскочила на землю.

— Приветствую, отец! — улыбнулась молодая женщина. — Да пребудут с тобой боги! — Стоило ей попытаться встать на

колени, Сабир удержал дочь за плечи, коротко обняв. — Это не положено, отец. — Бану слегка смутилась.

— Здесь я решаю, что положено, — так же тихо ответил Сабир. — Пребудут и с тобой, Бансабира, — сказал громко. — Маатхас!

— Будь здоров, Сабир! — Маатхас спрыгнул на землю, пожал руку Свирепому. Бансабира уже здоровалась с братом.

— Ты тоже здесь? — Бансабира искренне удивилась.

— Точно, — улыбаясь, ответил Русса. — Мы решили, что пора северянам устроить небольшой общий кутеж. — Бану недоверчиво посмотрела на Руссу, боковым зрением подмечая неподалеку кузена Хальвана. — К тому же и повод есть. — Русса обнял сестру, положив тяжелую руку на плечо. На лице Бансабиры отразилось еще большее недопонимание.

Ближайшие мужчины засмеялись, Маатхас сделал шаг в их с Руссой сторону:

— Не помните, тану? Я говорил вам, что в этом месяце мне стукнет тридцать первый год.

Праматерь, и впрямь. Да какое тут дело до чьих-то дней рождения? Она и свой-то последний «пропустила», а все предшествующие имели ценность только потому, что с их помощью можно было отсчитывать срок пребывания под рукой Гора.

— Да, простите. — Бансабира попыталась изобразить смущение. — Надеюсь, я не пропустила день, когда вас следовало поздравить?

— Надеюсь, и не пропустите: это будет послезавтра.

— Устроим игры и состязания! Пора заставить вздрогнуть этих теплолюбивых хлюпиков не только булавами да топорами! — прогремел Сабир, победно воздев кулак.

— Да! — проревело окружение.

— ДА! — дружно подхватили дальние ряды приближенных, не вполне понимая, о чем речь.

Сразу после совместной трапезы с полководцами и командующими Сабир и Бану уединились в шатре последней. Тан сообщил дочери, что Яфур Каамал разбил наголову одну из армий Вахиифов. Правда, не без помощи новоявленных союзников Раггаров.

— Ты ведь знаешь, что Раггары договорились с Шаутами о ненападении? — спросил Сабир.

— Я знаю, что все куда хуже, и эти двое готовят династический брак. Свадьба назначена на середину августа.

— Уверена?

— Больше, чем в твоём Юдейре.

Сабир, рыкнув, вздохнул.

— Каамалы превращаются в обоюдоострую спицу, не так ли, отец? — без тени улыбки спросила Бансабира.

— Восемь лет назад я верил, что северная кровь роднит сильнее всех союзов.

— Восемь лет назад ты верил, что я мертва.

— Не напоминай. Я рад, что ты вернулась. — Что-то неведомое зажглось, заалело в глазах и заалело в сухом голосе немолодого мужчины. — И я рад, что тебе хватает мужества вести людей. Ты женщина и не была обязана делать это.

— Но я выбрала это. И, если быть честной, выбрала задолго до того, как вообще начала понимать значение слова «выбор».

— Жалеешь об этом?

— Нет, — ответила Бану. — Это честный путь. Грязный, но честный. Будучи по эту сторону меча, ты видишь мир, каков он есть, и готов принять его зло. Лучше так, нежели с легкостью быть обманутым жизнью. — Сабир молчал, исподлобья наблюдая за дочерью. — Кстати о выборе. Я хочу переформировать отряд.

— Я думал об этом. Тебе нужно больше людей.

— Мне нужно больше лошадей — людей мне и так хватает.

Сабир покачал головой:

— Прости, но, как главнокомандующий пурпурного войска, здесь я решил сам. У тебя будет пять тысяч и из них пять сотен — из «меднотелых».

Бану всколыхнулась:

— Но они твоя личная гвардия, отец!

— «Меднотелые» — личная гвардия правителя, и ты — такой же правитель Пурпурного дома, как и я, — назидательно сообщил тан, воздев руку и сделав указующий жест пальцем. Тут же немного нахмурился, опустив руку, замолчал, подвигал плечом вверх-вниз.

— До сих пор болит? — спокойно осведомилась дочь.

Сабир поднял на Бансабиру глаза. О том, что Бану заметила его недуг еще прошлым летом, в дни воссоединения, Сабир узнал быстро. Дочь оказалась весьма глазастой, так что сейчас вопрос не удивил.

— Пустяки, старая травма. — Он улыбнулся, потеряв место, куда недавнее движение послало болевой импульс. — Не говори никому, эти вороны не должны знать.

— В таком случае избегай личного участия в сражениях. — Бансабира села обратно и вернулась к прежней теме: — Как сопровитель, я требую полного снабжения лошадьми и возможность работать на югах. Месть за мою мать и прочих родичей, погибших от рук Шаутов, оставляю тебе и нашим союзникам. И, к слову, все осадные орудия и инженеров тоже.

Сабир улыбнулся уголком губ:

— Как пожелаете, тану.

Повисло неловкое молчание — еще бы, кроме происхождения и общих дел, их совсем ничто не роднит, с грустью и отчаянием подумал Сабир. Надо, надо найти нечто такое, что бы их сблизило!

Бану тихонько усмехнулась, будто могла слышать, о чем думает отец.

— В чем дело? — подался он к дочери.

— Нам нужен надежный союзник. Не такой, как Каамал.

Сабир пронзил дочь стрелами серебристых глаз. Праматерь создала мир не без доброты, подумал тан: спустя восемь лет пустоты Всеединая вернула ему человека, с которым его не связывало ничто, кроме крови и долга, но который понимал Сабир лучше всех тех, кто провел подле него жизнь.

После воссоединения отец и дочь на двоих устроили небольшую охоту в близлежащей от берега роще.

Сабир с удовольствием обнаруживал, что Бансабуре нравится.

Его девочка будто от природы любила то же, что и он: нагонять зверя, поджидать в засаде, заставляя других делать то, что ей нужно, якобы по их собственному выбору, ломая волю, лишая альтернатив. Инстинкта охотника Сабир не спутывал ни с чем. И как любой охотник, Бансабира любила верховую езду и собак. Это тан тоже заметил и оценил. Сейчас дочка уже не

помнит наверняка, но в раннем-раннем детстве первым животным, которого она оседлала, был танаарский волкодав Яввузов. И сейчас по необъяснимому стечению обстоятельств псы, охотничьи и бойцовые, сытые и голодные, ластились к ней, как заколдованные.

Бану подмечала эти их с отцом сходства тоже, будто удивляясь, открывая самой себе себя настоящую, ту, какой она родилась по предрасположению, а не ту, которую взрастил Гор. У нее, девчонки, не было силы удара ее отца, она не могла также далеко метать тяжелое копьё на охоте. Зато она была стократ проворнее и легче мужчин, быстрее верхом. И время от времени ей удавалось по примеру отца управляться с конем, не удерживая поводьев. Сабир был существенно тяжелее, и сила его велика: он мог замучить любого скакуна под собой, сдавливая коленями бока, заставляя животное двигаться куда нужно, останавливаться и срываться с места по танскому желанию, безмолвному и безоговорочному, добиваясь в итоге послушания даже от самых норовистых лошадей и жеребчиков. Бансабире не хватало веса, чтобы делать это столь же виртуозно, как отец. Но толстеть ради подобного, смеясь крикнула танша отцу на всем скаку на обратном пути в лагерь, она не намерена.

Вечером дня воссоединения знатная часть громадного воинства устроила попойку. Бансабира, как одна из шести женщин в командном составе (но, безусловно, наиболее высокородная из них), приказала Юдейру подготовить для нее из награбленного тончайшей работы длинную тунику, широкий пояс с золотыми нитями, плетеный золоченый воротник, украшения. Косы плести за год Юдейр научился, казалось, непревзойденно. Ловкие у него руки, да и сам он стал гораздо ловчее и пронырливее, чем был, думала та, что сама стала украшением небольшого праздника в стане.

Этот вечер ошутимо сблизил Бану и ее охранников, командиров, семью.

Смеясь, Бансабира шла к своему шатру, опираясь на Руссу почти всем весом. Бастард выглядел вменяемее, хотя не менее счастливо. Ему действительно нравилось болтать с сестрой о всякой ерунде. Бансабира немного тормозила продвижение,

путаясь в собственных ногах. Причем это обстоятельство не только не вызывало в женщине смущения, но и, напротив, казалось, веселило еще больше.

— Праматерь, Русса, кажется, я и впрямь впервые в жизни напилась, — с трудом проговорила она сквозь смех. Благо отголоски сознания удерживали Бану от повышения голоса.

— Да вижу я, Бану, — отозвался мужчина. — Но все равно будет лучше, если мы побыстрее доберемся до твоего шатра. Иначе с утра могут возникнуть проблемы с командованием.

— Кто это не примет моего командования? — прошипела женщина, отбившись от поддерживающих рук брата. Остановилась и приросла к земле как гвоздь. — Пусть попробуют противоречить Бансабире Изящной.

Грозно сведенные брови над осоловелыми глазами и упертые в бока кулачки выражали всю решимость женщины. Если бы еще ее не шатало, ухмыляясь, подумал Русса.

— Боги, Бану, ты бы себя видела! Впрочем, надо, чтобы тебя не увидел кто-нибудь еще.

— Издеваешься надо мной? — невнятно проговорила женщина.

— Нет, — ответил Русса, протягивая к сестре руки. — Все будет хорошо. И с командованием тоже.

— Точно? — подозрительно прищурилась она. Кажется, Бансабиру обещание не убедило. Она отступила от брата на шаг.

— Точно. В крайнем случае я тебе помогу. Иди сюда.

Бану еще какое-то время хмурилась, потом смысл сказанного дошел до нее, и женщина просияла.

— Тогда пойдем, — шагнула в объятия брата. Правда, тут же опять споткнулась о свои ноги.

Русса успел вовремя удержать сестру от падения.

— Ну и что мне с тобой делать? — скалясь, спросил он, закинув сестрину руку себе за шею. Потом подхватил Бану на руки.

— Беречь, — просопела молодая женщина. И как этот замечательный человек мог напоминать ей по первости Гора? Ничего общего с тем подонком.

— Давай я, — предложил помощь мужчина уже в шатре, когда Бансабира не слишком ловко снимала короткие сапожки. Танша сидела на табурете, силясь сосредоточиться на двоя-

щемся лице брата. — Надо же, какие напряженные, — нахмурился, ощупывая женские ступни. Бансабира развеселилась.

— Щекотно, Русса! — пожаловалась она. Сладко потянувшись, не удержала равновесие и чуть было не повалилась на спину, если бы брат не удержал ее за ногу.

— Не дергайся ты! Так, сядь-ка на пол, разотру тебе ноги.

— Еще чего!

— Брось, Бану, все нормально. Знаешь, когда я был юнцом и Гистасп только начал всерьез меня гонять, наша бабушка иногда растирала мне ноги. Ну, когда стоять уже не мог. — Брюнет, ухмыляясь, почесал затылок.

— Но я-то могу стоять! — возгласила Бансабира и, подскочив, с рвением принялась доказывать обратное.

Русса схватился за живот от хохота.

— Праматерь, Бану. — Утирая слезы, он поднялся и потянул к сестре руки, явно стараясь утихомирить. — Тише, весь лагерь перебудешь.

— Да кто в нем спит?!

Наконец Руссе удалось обнять сестру и поцеловать в висок.

— Я люблю тебя.

— Как ты можешь меня любить? Мы же почти не виделись с моего детства.

Мужские руки на ее спине сжались крепче.

— Мы одной крови, мы помним одно и то же, вершим одно и то же, и нам дороги одни и те же люди. Ну и нам обоим совсем незнаком наш младший брат, Бану. Мы с тобой практически одно и то же, а человек всегда любит самого себя.

— То есть ты любишь во мне себя? — Бану немного отстранилась, весело поглядев на брата.

— Я люблю тебя в себе, — примирительно произнес мужчина. — Я вложил в твою ручку лук, Бану. Я вывел тебя в море. Я тебя купал и воровал для тебя с кухни мед. С тех пор прошло много времени. Твои руки стали крепче и теперь уверенно обращаются с любым оружием. В море, если соберешься, выйдешь на своем корабле, и купать тебя я больше не могу, — наигранно раздосадовался Русса. — Да и воровать сладости больше нет надобности. Но разве это что-то меняет?

Бану, не зная, что ответить, обняла брата за талию и спрятала лицо на его груди.

— Для любви нужно не так много, как ты думаешь. — Русса погладил сестру по волосам.

— Слушая тебя, я думаю, что совсем не разбираюсь в любви.

Русса с пониманием кивнул.

— Ты еще юна.

— Я любила. — Она прижалась сильнее, чтобы тот ненароком не надумал отстраниться и посмотреть ей в глаза.

Русса глубоко вздохнул:

— Возможно, спустя время тебе покажется иначе.

— Мне не кажется, — упрямо настояла Бану. Сама отстранилась и откинула голову. — Я хотела, чтобы он был счастлив со мной.

Русса не стал удерживать сестру, разомкнув кольцо рук.

— Тогда почему ты сейчас не с ним?

— Потому что у меня не получилось. Я принесла ему только проблемы, — икнув, сообщила женщина.

— Он сам сказал?

Бансабира отошла от брата и села на табурет.

— Нет. Но он постоянно рисковал из-за меня жизнью.

— Ну-у, это ведь был его выбор, — пожал плечами Русса, усмехаясь. — Может, ему нравилось?

— Сомневаюсь.

— В любом случае ты решила за него.

Бану ощерилась:

— Да уж, похоже, единственное, что я умею, — решать за других и раздавать приказы.

— Не самое плохое качество.

— Плохое, — махнула рукой, — но приятное. Правда, не думаю, что моему мужу оно будет нравиться так же, как мне.

— Какому еще мужу? — Все-таки она хмельна, подумал Русса.

— Увидишь, месяца не пройдет, отец заговорит о моем браке.

Мужчина покачал головой:

— Ты совсем недавно вернулась в семью, не думаю, что он захочет расстаться с тобой снова так быстро.

— Но нам надо хоть что-то поставить против неожиданного союза алых и золотых. И серебряных Каамалов вместе с ними. Из детей Сабира Свирепого для брака, по понятным причинам, годна только я.

Разговор приобрел совсем неожиданное и малоприятное направление. Русса попробовал отшутиться:

— Хотел бы я посмотреть, кто в разгар бойни захочет жениться на Бану Злосчастной, Бану Проклятой и, кажется, еще Матери лагерей.

Бансабира прыснула.

— Клянусь, это самое дурацкое прозвище, которое мне могли дать.

— Но не могли же они обозвать тебя дочерью лагерей! — Русса понимающе вскинул брови.

— Отец бы не простил.

— И старый Ниитас тоже. Кстати, полагаю, не будь он твоим дедом, отец все же, надумай выдать тебя замуж, выбрал бы в родичи именно Сиреневый дом.

— Не думаю.

— Вот это верно, — похвалил брат. Зря он сам вернулся к теме. — Союзу Шаутов и Раггаров мы всегда противопоставим альянс северных кланов, и думать тут нечего.

— Каамал в союзе с Раггарами, — напомнила Бану. — Отец так долго добивался их вмешательства и так рассчитывал на их помощь, а в итоге союзный договор объединил не четыре дома, а два.

— Это не твоя забота, Бану. Ты еще не до конца освоилась со здешними порядками. Северяне грозная сила и единая, особенно с тех пор как нас заставили присягнуть Яасдурам. Так что, в конечном счете, Каамал будет на нашей стороне. И Маатхас тоже. Без всяких там браков.

Мужчина подошел к сестре, наклонился, поцеловал в темечко и пожелал добрых снов.

— Ляжешь сама или позвать служанок?

— Ну, сидеть же сама я ухитрюсь. Так что лечь подавно смогу, — смахнула она ладонь брата с волос и поднялась.

— Да благословит тебя Мать Сумерек.

— Мм... чего? — не понял Русса.

Ох уж эта привычка, упрекнула себя танша.

— Береги себя.

Дождавшись, когда брат уйдет на достаточное расстояние, Бану выглянула на улицу и кликнула стражника.

— Приведи оруженосца.

Еще немного прожевывала слова, но в голове медленно прояснялось.

Юдейр, всклокоченный, заспанный и недовольный, явился быстро:

— Да, тану.

— У тебя завтра выходной.

— Ч-чт... чего? — наконец выпалил юноша с таким видом, будто не знал, радоваться ему или оскорбляться.

— Если плохо слышишь, попросись к лекарю. Разбудишь меня за час до рассвета, и чтобы была готова холодная вода и завтрак. Дальше можешь отсыпаться хоть весь день.

— Понял, — кивнул мужчина с видом, будто не понял ничего.

Маатхас, пошатываясь, добрался до шатра, завалился внутрь, рухнул отяжелевшим расслабленным телом на ложе. И без тени сна в глазах уставился в темноту перед собой.

Что за дрянь такая? Почему, едва он потянулся, увидев захмелевшую Бану, чтобы проводить до пристанища, Сабир осуждающе взглянул на него и коротко мотнул головой? А когда Сагромах решил спросить, в чем дело, еще и угрюмо рыкнул, пресекая любую возможность разговора на эту тему? Да чем он ей не подходит?!

Сагромах повернулся на бок. Он, в конце концов, тан. Тан, северянин, полководец и воин, способный защитить женщину, которая согласится стать его спутницей! Он не так богат, как Каамал — да и пусть найдет Сабир в стране тана, который имел бы больше золота, чем Каамал Лыстивый Язык! — но он далеко не беден! Он союзник Пурпурного дома, он Сабиру почти что родственник! Не жалуется на здоровье, лицом вышел, порядочный, он...

Сердце у Сагромаха заколотилось как бешеное, в безумном беспорядочном ритме. Он было вскочил, но из-за выпитого потерял равновесие и вновь плюхнулся на расстеленное ложе. Покачался, маясь. Завалился на спину.

Праматерь, он совершенно не знает, что делать. Бану никогда не подавала никаких признаков своего к нему отношения. Равнодушная вежливость, дружелюбие, радушие — вот все, на что он наткнулся. Иногда ему казалось, что в ее взгляде мелька-

ет что-то сродни приязни, но не более того. Да и в этом Маатхас стал сомневаться после того, как увидел встречу Бану с каким-то недомерком по дороге сюда.

Мужчина зарычал. Вокруг нее вечно терлась какая-то прова мужиков, что бесило несказанно. Однако он ни разу не видел и не слышал, чтобы Бансабира хоть сколько-нибудь проявляла интерес к ним больший, чем того требует отношение к подчиненным. Пару раз до него, разумеется, доходили слухи про маленькую таншу и ее оруженосца, уже давно, но, право, не верить же в столь абсурдную сплетню. Ко всему, Маатхас своими глазами видел, что Бану видит в Юдейре лишь хорошо обученного и не в меру болтливого раба.

Одинаково бесцветная, сухая, сдержанная. Шестнадцатилетняя, упрекнул самого себя тан. Что творилось у нее на сердце? Как с ней быть?

Не в силах найти ответ, он понадеялся на разговор с Сабиром. Двое мужчин, давние соратники и, как ни посмотри, друзья — они сумеют договориться! Будь проклят тан Сабир Свирепый, честное слово! Если бы он хоть что-то объяснил, если бы не мотал головой из какой-то никому не понятной гордыни и придури... Или все дело в том, что он просто не готов так быстро расстаться с дочкой, которую едва обрел? Что ж, Маатхас готов подождать — все равно разгар войны явно не то время, когда следует устраивать свадьбы. Хотя, конечно, как посмотреть.

Маатхас скрипнул зубами, потер лоб, широко раскинул длинные руки и ноги. Даже не будь у них за спинами войск, он бы дал Бану срок. В конечном счете, заставлять ее нельзя. Он знает наверняка, что сумел бы понравиться танше...

Почему Сабир запретил ему проводить Бансабиру сегодня до шатра? Он, Сагромах, не идиот, чтобы спутать эту ситуацию с какой-нибудь другой.

Никогда прежде ему не было так тяжело заснуть, будучи пьяным.

Когда Сабир открыл глаза, на его походном табурете сидела Бансабира. И выглядела так, будто не она захмелела на минувшем ужине до того, что Русса, побоявшись, вызвался отвести ее в шатер.

— Бану? — сонно позвал мужчина.

— С добрым утром, отец. — В руках женщина вертела бокал с водой. — А теперь давай ты расскажешь мне, что происходит.

— О чем ты, Бансабира? — Тан поднялся на ложе, приняв сидячее положение.

— Давай ты расскажешь мне, что придумал, — пояснила Бану. Сабиру яснее не стало.

— Честно говоря, не совсем понимаю тебя, дочка. Дай-ка мне пару минут, и мы поговорим.

Спал тан в штанах. Поднялся, накинул рубаху, вышел, а когда вернулся, Бансабира подала таз с водой для умывания. Сабир все еще выглядел сонным, и Бану помогала ему с утренними процедурами, насколько возможно. Лагерь за пологом, не считая караульных, тоже только просыпался.

— Так о чем ты хотела поговорить? — спросил, ополаскивая лицо.

— Яфур Каамал как-нибудь объяснил то, что из возложенного на него союза всех северян и Раггаров вышел альянс всего двух домов?

— Бану, мы в содружестве с Маатхасом. Пока вы добирались сюда с востока, ты объяснила ему хоть один свой поступок?

— И то верно, — признала женщина. — Яфур все еще действует из-за стен или наконец показался на карте?

— Любопытно, что ты спрашиваешь. Судя по всему, у тебя хорошие шпионы.

— Хороших не так много, и они заняты большей степенью на востоке страны. Так что насчет Каамала? — Бансабира принялась раскладывать одежду отца.

— Насколько я знаю, к Раггарам ездил Этер.

— Тот заносчивый старший из братьев? — подняла глаза.

Сабир неопределенно хмыкнул.

— Именно, — принял из рук дочери тунику и посерьезнел: — С ним надо быть осторожней, Бану. Этер — лис с когтями льва.

Тан потянулся за поясом в руках дочери, но Бансабира отстранилась.

— А Яфур, видимо, тот самый лев?

— В том, что у него золотая грива, сомневаться не приходится.

Тан не опускал рук, ожидая, когда дочь подаст пояс, но Бансабира повязала его сама.

— Это вполне оправдывает рвение Раггара подружиться с соседом. — Бану обошла отца и, застегнув пряжку, подняла на Свирепого глаза. — Но не объясняет твоих поступков.

— Что? — остолбенел тан. Бансабира отошла на несколько шагов. Смотрела прямо, вызывая.

— Я часто задавалась вопросом, и никто не мог помочь мне найти ответ. Поэтому я спрашиваю у тебя, отец. Что происходит? Какого черта мы торчим здесь?

Как не вовремя она засомневалась, подумал Сабир. Попытался обойти угол:

— Бану, — шагнул к дочери, протягивая руку.

Бансабира отступила, сохраняя дистанцию.

— Мне приходится принимать решения, которые не доставляют мне никакого удовольствия, я имею право знать — зачем.

— Обещаю, однажды ты все узнаешь, — клятвенно заверил Сабир.

— Я имею право знать сейчас.

Сабир вздохнул. Настырная девчонка!

— Ты ведь знаешь, кому мы обязаны смертью твоей матери и моего брата.

— Доно-Ранбир погиб от рук бежевых, а не красных. А про мою мать и говорить нечего. Так что другим рассказывай, что ввязался в войну из-за мести.

— Б-Бансабира! — Тан даже заикнулся от подобной наглости.

— Я хочу услышать подлинную причину, тан, — взметнула она бровь. — Не узнать, а услышать.

— Мечь — весомейшая из причин, как и древнее соглашение северян о взаимопомощи! — Сабир зарычал.

— Только не начинай снова петь про старые обиды танов! Думаешь, я поверю, что ты семь лет готовился к походу из-за старых обид?!

— А ты думаешь, я мог позволить собственному гневу послать неподготовленных солдат в гущу сражений? Отправить на верную гибель?! Я все тебе сказал еще год назад, и нечего сочинять всякую ерунду!

— Подумай, прежде чем соврать мне, отец! — вцепилась она взглядом в Сабир, как клещами. — Думаешь, я не вижу, что ты делаешь? — отбросив маску высокомерия, разошлась женщина. Тем не менее слова цедила довольно тихо. — Все эти попойки,

совместные лагеря, теперь еще и празднование дня рождения Маатхаса! Не помню, чтобы ты торопился отпраздновать свой, мой или других наших родичей! Не держи меня за дуру, тан Сабир. Я не Русса, который слепо верит в братское родство северян! Нас предают, улыбаясь в лицо, а мы с предателем пьем одно пиво!

Хоть немного совладав с собственной яростью, Бану зашипела:

— Мне слишком хорошо видно, чего ты хочешь. Я твоя дочь, не буду ни осуждать, ни отговаривать. Напротив — у тебя куда больше шансов добиться целей с моей помощью. Я не откажусь, сколь бы ни претила сама мысль о браке. Кровавая Мать! — вскинула руки, вновь повысив голос и зашагав внутри шатра. — Насколько же низкого ты обо мне мнения, тан!

— Я настаиваю, чтобы ты звала меня отцом! — От голоса дочери грудь и горло перетянуло каленым железом обиды.

— Тогда, отец, — приблизилась она к Свирепому вплотную — два одинаково твердых взгляда схлестнулись, как мечи, — вспомни, что детей рожают и растят матери, а северяне со стародавних времен хранят мудрость: «Пусть руки отпадут у того, кто не радеет о родственниках».

Хитро прищурилась. В черном, с собранными в тугой узел волосами, при оружии. Слишком гордая, слишком сильная, слишком строгая, признал Сабир.

— Бансабира, — почти жалостливо протянул мужчина, моргнув первым. — Девочка моя, — ласково проговорил он, чувствуя, как в груди сжимается еще сильнее. Протянул руку, надеясь обнять дочернее плечо, но Бану ударом тыльной стороной ладони оттолкнула ее и вновь отдалилась от тана.

— Во всем твоем окружении, отец, — проколотила каждое слово, — нет ни одного человека, который бы смотрел так же далеко и видел так же много, как я. Оглянись — ни один из них не попевает за тобой, — оскалилась, вновь напомнив Сабиру дикую кошку. — Научись доверять мне хоть немного! Или Раду, Юдейр и Гобрий плохо делали свою работу в прошедший год?!

Тан окаменел на мгновение. Не давая ему опомниться, Бану вышла на улицу, широким замахом взметнув полог. Их ссора с Сабиром привлекла внимание нескольких человек. В числе первых был Маатхас — с опухшей физиономией и красными

глазами. Не спал, сообразила Бану, приветственно кивнула и, обведя глазами ротозеев, прошла к своему убежищу, игнорируя все и вся.

Рядом с шатром, заметив приближение танши, поднялись с земли и выстроились семнадцать бойцов личной дружины. От одного взгляда женщины стало ясно, что она в бешенстве. Быстро пробежав глазами, Бансабира выбрала:

— Вал.

Воин кивнул и поспешил вслед за госпожой. Они отделились совсем немного, когда Бану остановилась, расцепив пряжку. Пояс, звякнув, упал. Меч с ножнами остался в руках. Привист — и женщина метнулась в атаку.

Тан Сабир сел за стол. Каждое ее слово, каждое действие той, ради которой когда-то его сердце снова забилося, заставляло закусывать губы. Неведомое чувство вгрызлось Яввузу в межреберье — как? Как ее вообще можно хоть кому-то отдать?!

Но не отдать — нельзя. И только что Бансабира добровольно предложила себя на торги.

Бансабира согнулась пополам, упираясь ладонями в бедра чуть выше колен. Сбивчивое дыхание с сипом вырывалось из легких. Оружие валялось на земле. Как и Вал — в нескольких шагах. Нет, не потому что Бану уложила его на лопатки — танша никогда бы не доверила подбор ее личной охраны человеку, которого сама может победить без труда, — телохранитель тоже умотался. Исподлобья женщина бросила короткий взгляд на морщившегося мужчину.

— Неплохо.

Вал согласился молча, с трудом приподнялся на локтях, кивнул Бансабуре за плечо. Женщина обернулась:

— Я впечатлен, — отозвался тан Маатхас, примостившись на бревне неподалеку.

Танша распрямилась, вздохнула, немного нахмурилась. В любой другой ситуации она бы обрадовалась его компании, но сейчас в душе столкнулись смешанные чувства. Почему он всегда стоит в стороне? Зачем без конца наблюдает за ее тренировками? Почему преследует, ходит по пятам, как тень?!

Ярость от ссоры с отцом она благополучно выместила в пылу тренировки, а как быть с раздражением от неопределенности?

— Неужели, — ледяным тоном отозвалась женщина. Маатхас отпрянул от такой реакции. — Вал, — обернулась к телохранителю, — можешь идти.

Боец с усилием перевел туловище в вертикальное положение и, едва поклонившись, ретировался. Провожая его взглядом, Бану констатировала:

— Вы уже сто раз видели мои упражнения. Не стоит делать удивленный вид.

Тан быстро взял себя в руки:

— Я впечатлен вашей склонностью выпускать пар скорее по-мужски, чем по-женски.

Бану поглядела на мужчину с недоверием и принялась собирать оружие. Через пару минут спросила, чего он хотел. Тан признался честно — увидеться. Убедиться, что все в порядке. Бансабира тихонько с недовольством хмыкнула и направилась в сторону шатра. Сагромах мягко придержал женщину за предплечье и с нежностью посмотрел в глаза — право, не стоит раздражаться по пустякам, к тому же срываться на тех, кто не сделал ничего дурного.

Бану почувствовала, как краснеет от стыда. Да уж, и впрямь, кто-кто, а Сагромах перед ней безвинен. Вполне возможно, он сам понимает, чего от них ждут, и потому, тоже не имея выбора, действует соответственно. Женщина со смущенным смешком отвела глаза и попросила прощения, вздернув брови. Извинения дались легко — как ни крути, а время, проведенное с Маатхасом, оказалось самым лучшим в этом походе.

— Зачем ты это сделала? — спросил Русса незадолго до ужина. — Отец рассказал мне! — сокрушался брат. — Мне казалось, мы выяснили вчера, что тебе не нужен никакой брак!

— А мне он и не нужен, — отозвалась Бансабира. Выглядела женщина хмуро, будто ее безмерно раздражало то, что Русса мешал сосредоточиться на штопанье ремешков подвязок для ножей. — Он нужен танаару.

— Сдался он танаару! — озверел Русса. — Или тебе нравится думать, что, жертвуя собой, ты всех спасешь? — Упал на пол ря-

дом с сестрой и схватил монотонно двигающуюся руку с иглой, заставив Бану посмотреть на себя.

— Нет, — отрезала сестра. — Но когда будущее очевидно, я предпочитаю не ждать, пока судьба заставит меня принять неизбежное, а самой явиться за ним! Даже будь это трижды иллюзией, я лучше буду верить, что сама выбрала свою жизнь. В конце концов, в каком-то смысле все так и есть, — добавила тише, взглядом заставив брата отпустить ладонь.

— Что ты имеешь в виду?

— В жизни всегда нужно ясно понимать, на чьей ты стороне, и, выбрав, надо держаться ее, что бы ни случилось. Я определилась год назад, Русса, и теперь буду делать все, чего эта сторона потребует от меня. Даже если с неба повалятся разом все звезды.

— Откуда ты набралась такой идиотской решимости? — Русса нахмурился и встал. Это упрек, что ли?

— Сегодня прибыли Каамалы. Если дадут повод, стоит быть готовым пойти на любую гнусность, — безэмоционально закончила Бану.

— Владыка Вод, — прорычал Русса, вскакивая. — Сколько раз я твердил тебе, что северные кланы никогда...

— Никогда, Русса, солнце не взойдет на западе. А все то, что относится к людям, меняется ежедневно.

Мужчина глубоко вдохнул.

— Тану, — раздалось с улицы, — к ужину зовут.

— Передайте отцу, я не голодна, — громко ответила Бану.

— Что с тобой?

— Ничего. Ты иди, нехорошо заставляя тана ждать, — пресекла женщина протест.

— Ладно.

Полог взметнулся и опустился больше четверти часа назад, а Бансабира по-прежнему сидела, почти не шевелясь. Неужели звезды с неба вот так и валяются?

Щека повлажнела. Бану судорожно прижала слезы пальцами, будто это могло помочь. Повлажнела другая.

— Госпожа, с вами все в порядке? — обеспокоенно спросил голос Юдейра. — Я войду? — Оруженосец, не дожидаясь реакции танши, вошел.

Бану успела повернуться к выходу спиной.

— Тебе чего-то нужно, Юдейр? — как могла строго выговорила тану.

— Русса-Акбе сказал, что вам нехорошо, и я поспешил узнать, не надо ли вам чего. Я могу помочь?

— Помнится, я дала тебе выходной. Так иди и отдыхай — справиться с головной болью из-за недосыпа мне и Праматерь не поможет, — соврала женщина.

— Хорошо, тану, — понуро согласился юноша.

Великая, да что же она делает?

— Со мной правда все в порядке, — окликом задержала парня у выхода, обернувшись. — Но если вдруг что, я пошлю за тобой.

Юдейр обернулся, растерянно заозирался, расцвел.

— Хорошо, госпожа.

— И не опаздывай утром, завтра важный день, я полагаюсь на тебя, — улыбнулась женщина.

— Слушаюсь, тану! — отрапортовал воин и, точно пущенный с тетивы, выскочил из шатра.

Бансабира еще недолго улыбалась, восхищаясь искренностью влюбленного мальчишки, потом вновь загрустила. Мать Сумерек, как же не хватало женской заботы и ласки. Шавна, родная, дорогая Шавна, думала Бану, где ты? Где ты, о сестра по дому? Сестра по вере. Сестра по выбору...

Утром было парадное построение «меднотелых» — личной гвардии танов Пурпурного дома. Сабир шел впереди, дочь — вровень, справа от него, Русса — слева и чуть отставая.

— Не будь они похожи и не знай я, что они родственники, решил бы, что она новая жена тана, — сказал один из офицеров на ухо другому, пока Яввузы шли вдоль рядов.

— Да уж, Яввуз Свирепый в этом смысле переплюнул весь Яс — не завел ни одной водной жены, зато трех земных сменил.

— Думаешь, она правда его дочь?

— Ба! А ты думаешь, Старый Волк признал бы кого-то не своей крови?

— Да поди разбери этих танов, что у них на уме.

— Бросьте вы! Видно же, что они родственники. Лицо девочки как по отцовскому лепили.

— Не скажи, мордашка у нее милая.

- Только нрав, говорят, кошмарный.
- Вам-то какое дело?
- Вот-вот.
- Как — какое? Такие не задумываясь режут людей впере-
мешку со свиньями, к ужину.
- Я слышал, она сама пытала кого-то из Ююлов.
- И голова Сциры Алой тоже на ее совести.
- Ты красных, что ли, жалеешь?
- Да заткнитесь уже. Вам с ней детей не растить. А то, что
мы пока видели, и то, что о ней болтают, дает надежду, что, ког-
да старый пес помрет, наше подразделение не развалит сопли-
вый мальчишка, который всю войну пешком под стол ходил и в
собственные штаны гадил.
- У Яввуза два брата.
- Кто их пустит?
- Есть еще акбе.
- Он не акбе. Бастардов родичи не признают и, как правило,
ими помыкают.
- Развели тут галдеж. Можно подумать, вас в итоге кто-то
спросит, кому служить.
- То-то и оно. Ешь, когда дают, спи, когда позволяют, де-
рись, когда приказывают, — вот и все правило солдата. А то
ишь, в большие дела надумали лезть.

Пышный праздник прошелся судорогой веселья по растя-
нувшемуся, как удав, лагерю. Казалось, на один день, приуро-
ченный к именинам Сагромаха Маатхаса, все сомнения, разду-
мья и недоверие отступили.

Песни, пляски, игры, состязания...

Люди, не таясь, громко шутили, ели, пили, заигрывали с
пленными женщинами. Кому какое дело, что обычно в них ви-
дят только рабынь? Сейчас — они просто женщины.

Заигрывали и с теми, кого не пленили в боях и не уводили из
родных поселений: помимо Бансабиры, которую в тот день впо-
ру было именовать Изыщной, Прекрасной и Божественной, в
объединенном офицерском составе трех танских армий насчи-
тывались десятки воительниц — от рядовых до командующих
полками.

В состязаниях многие бойцы-северяне, в жизни порой лени-
вые и неуклюжие, преображались до неузнаваемости. Однако

всех их в итоге с легкостью бросал на лопатки или огромный Раду, или, с тихим смешком, Маатхас, уступавший первому в размерах, но одолевавший в маневренности. Шутливо, но от этого не менее колко, подтрунивали над проигравшими юнцы, девушки и старики из обозов.

И когда, восседая на коне, остался один Сагромах, призывающий еще хоть кого-нибудь сразиться с ним, на поле выехала Бансабира. Вороной конь под ней блестел, как отполированный агат. Привычно черная форма из мягкой ткани была утяжелена золочеными наплечниками, нарукавниками, поножами. На тонкой талии красовался широкий кожаный пояс, на волосах — шлем. Все убранство требовало полюбоваться всадницей родом из высокого дома.

Маатхас растерялся. Он, конечно, признавал мастерство Бану, но не желал посрамить ее перед отцом и будущими подданными. Ситуация превращалась в сложную задачу — сразиться с тану не хотел, да только как отказаться от боя, не обидев танши, Яввуза и всех пурпурных? Сагромах обратился глазами к Сабиру — тан лишь в недоумении развел руками. Пока Маатхас размышлял, как быть, Бану, ткнув коня пяткой, занесла меч.

Одно дело — признавать ее воином, мгновенно сообразил Сагромах, отбив первый натиск, совсем другое — столкнуться с ней в бою. Не время думать о том, что Бану девушка, и к тому же совсем юная. Иначе, того гляди, головы недосчитаешься.

Бой получился рваным, тяжелым, стремительным. Маатхас оказался противником куда более сложным, чем Бану могла представить.

...Уходя в развороте от очередного несдерживаемого удара, натянула поводья, заводя коня в сторону, удилами разрывая губы.

От всегда выручавших ножей верхом проку не было. Да и на земле, позже признавалась Бану, ее ловкость и гибкость, которые она с легкостью противопоставила Руссе и могла бы даже, при удаче, противопоставить невиданной тяжести Раду, разбивалась об опыт Маатхаса. Держась на одной воле, Бану поняла, что единственный ее шанс — не дать победить себя.

Наблюдавшие затаив дыхание замерли. Воздух задрожал от напряжения.

Отбивая и парируя град ударов, противники сошлись лоб в лоб в последней волне атаки. Бансабира осадил коня, тот

вспружинил, посланный вперед могучей силой задних ног. Кажалось, Бансабира взвилась в прыжке вместе с ним. Мельком увидела открытую спину бойца, рубанула наотмашь... Опережая мысль, дернулась рука Сагромаха и... оглушительно — как, кажется, никогда прежде за ее короткую жизнь — звякнул клинок о клинок.

Рука больше не слушалась, мышцы затекли, онемевшие пальцы отказывались подчиняться. Безвольно опустилась женская длань, победоносно вознеслась мужская — в решающем рубящем жесте. Напрочь забыл Сагромах, с кем и ради чего бился. И вдруг...

Бансабира демонстративно хмыкнула и, принимая посланное Кровавой Госпожой, сняла шлем, бросив на землю. Маатхас неотрывно смотрел в лицо, в глаза девушки. «Родиться в крови и умереть в крови — лучшая участь любого, кто носит метку Матери Сумерек», — будто говорили они. Тáну казалось, что она вот-вот, как всегда, улыбнется и пожмет плечами — мол, так даже лучше.

Она поправила волосы, оголяя шею под удар. Но Маатхас не двигался. Замер с занесенным клинком, ошарашенный увиденным. Когда наконец вновь обрел способность здраво соображать, отбросил меч и гортанно вскрикнул. Аргат, командир личной гвардии Маатхаса, бросил свое копьё. Сагромах поймал на лету, не глядя. Видит Праматерь, нет смысла торжествовать победу. Нет никакой победы, кроме той, которую Бану уже одержала над ним.

Маатхас, неотрывно глядя Бану в глаза, подъехал вплотную, воткнул копьё в землю и склонил коня перед таншей, признавая поражение. Толпа изумленно вздохнула: несомненно — благороднейший жест.

Бансабира, легонько улыбнувшись, повела плечом — «ну кто бы сомневался», прочел Маатхас — и бросила к ногам скакуна противника девичий пояс.

В небо взвился радостный рев.

Тан Сабир обалдел, ошалел, ужаснулся и... выругался.

«Неужели в милости своей боги послали ему возможность стать счастливым хотя бы в этом?» — подумал Маатхас. Шатаясь, как пьяный, он зашел в шатер (каких было множество во-

круг ристалища для obsługi празднующих) и склонился над тазом с водой, смывая пот поединков. Сколько времени он заводил об этом разговор с Сабиром, пытаясь попросить ее руки, но Яввуз всегда резко уходил от темы. Теперь у Старого Волка не будет шанса смолчать. Маатхас смирился бы, если бы причиной отказа Сабира был отказ Бану: танша не производила впечатления человека, который позволит решить за себя хоть что-то. Но, как выяснилось, удача на его стороне! Он нравился Бану!

Ну а даже если нет, даже если она пошла на это из политических соображений, он, Маатхас, будет обращаться с Бану так хорошо, как ни один мужчина прежде не обращался со своей женой! И у нее просто не останется выбора, кроме как полюбить его. Она всегда честна и искренна в том, что добром отвечает на добро.

Надо поскорее переодеться и идти к ней. Но перво-наперво поговорить с Сабиром. А то нехорошо получится. Все-таки он глава Пурпурного дома.

Лагерь веселился так, что казалось, сунься сейчас сюда любой другой тан со своими ордами — осоловелые, безудержные, неистовые в удали северяне перемнут их в труху, даже не заметив, как так вышло. Однако среди празднества Маатхас Сабира не нашел — тан, как ему сообщили, ушел к себе в шатер.

Окрыленный, Маатхас долетел до пустыря, где были установлены шатры командования. Он регулярно срывался с быстрого шага на бег, так что казалось, еще немного — и Сагромах просто покатится по земле через голову, толкаемый вперед ударами бешено колотящегося сердца.

Сюда доносился гвалт толпы, но чем ближе подходил Маатхас, тем отчетливее слышал два других голоса, исходящих из шатра.

— Я спрашиваю: что это за ребяческая выходка?! Прилюдно объявить Сагромаха избранником! — орал Яввуз.

Маатхас остановился неподалеку.

— Мне казалось, мы обо всем договорились, разве нет?! — в тон ему ответила Бансабира.

— Мы договорились, что ты выходишь замуж! О Маатхасе речи не шло!

— Так ты недоволен тем, что я не сказала тебе о своих намерениях перед поединком?!

— Это не может быть Маатхас! Вот чем я недоволен! Не Ма-ат-хас!!!

— И почему нет, отец?! Чем он плох? Союзник, имеющий под началом пятнадцать тысяч копий!

— У Каамала столько же!

— У Каамала меньше! — безоговорочно отрезала Бану и была права, Сабир знал.

— Не в этом дело! — рявкнул тан.

— Тогда в чем?!

— В том, что Маатхас и так обязан нам многим, он пойдет за нами при необходимости, хотя бы чтобы вернуть долг, а Каамалов нам нечем связать по рукам и ногам! Мы не можем допустить, чтобы они выбились из альянса!

— Да гнать в шею твоих Каамалов, отец! — прошипела Бану.

— Выйдешь, и все!

— Нет!

— Если в Ясе и есть золотой тан, то это не Раггар, сократи его дни Праматерь, а Яфур Каамал! И нам, черт подери, нужно его золото!

— МНЕ ИДТИ ЗА СТАРИКА СТАРШЕ ТЕБЯ?! — вконец сорвалась Бансабира.

Возникла затяжная пауза. Кажется, даже с расстояния в десять шагов Сагромах слышал, как тяжело дышат эти двое.

— За Этера, — тише произнес Сабир.

— За этого задиристого выродка?! — завелась танша с новой силой.

— Осторожней выбирай выражения, когда кричишь, Бану! — прорычал тан.

— Я отказываюсь.

— Я не давал тебе выбора.

Бансабира молчала очень долго. Маатхас, слушавший происходящее, не мог понять, что происходит. Возможно, Сабир намерен ударить дочь? Да ну, ему ли, Сагромаху, не знать, как Сабир боготворит девчонку... Но то, что он слышал...

— Хорошо, — наконец раздался голос тану. — Но только второй.

— Что? — спросил Сабир. Маатхас тихонько сделал несколько шагов, приблизившись к шатру, чтобы ясно слышать и теперь.

— Убей меня, а за Этера я не пойду. А вот второй из братьев — как его там? Не помню имени...

— Нер?! — изумился отец, округлив глаза.

— Ну, видимо, Нер, — повторила Бану, — вполне бы подошел.

— Невозможно. Дочерей не выдают за вторых сыновей.

— Не в нашем случае, отец. Если ты не намерен оставить Пурпурный танаар моему младшему брату, выставив все так, будто я непреднамеренно оказалась замужем черт-те где, выйти за Этера я не могу не только из-за неприязни.

Сабир стал слушать внимательнее.

— Если я выйду за наследника другого дома, как жена, я буду вынуждена уехать за ним. Но если выйду за ахтаната, которому никогда не стать таном, он поедет за мной, в Пурпурный танаар. Я ведь тану.

Маатхас услышал привычные и по-своему любимые нотки сарказма в женском голосе.

Дальше двое в шатре заговорили еще тише, и разобрать что-то не было возможности. Подходить ближе Сагромах не стал, но и не ушел, ожидая, что может услышать еще что-нибудь. Между тем Сабир, обратившись к дочери, нахмурился.

— Мне нужен этот брак не для того, чтобы просто смотреть, как ты, страдая, выходишь замуж.

— Я понимаю, отец. Но то, что таном со временем не сможет стать мой муж, не значит, что им не сможет стать мой сын, — вздернула бровь.

Незамысловатая логика, признал Свирепый.

Очередная затяжная пауза далась тану серьезными раздумьями.

— Хорошо, — громко выдохнул, сел и уронил лоб на сцепленный замок рук, упертых локтями в стол. — Пусть будет так. Свадьбу надо сыграть быстро.

— Понимаю, — сухо отозвалась молодая женщина.

— Надо отправить гонца Яфуру. Но перво-наперво — поговорить с Маатхасом, извиниться и все уладить. Как бы оно ни было, я все-таки признаю его другом.

— Это твои заботы, отец. Мне и моих хватит.

— Которых именно?

Бану села напротив за тот же походный столик.

— Мучиться терзаниями совести, что добровольно согласилась засыпать и просыпаться с человеком, к которому в лучшем случае не буду ничего испытывать.

— Ну зачем так, Бану, — попытался утешить Сабир. — Пути Богини неисповедимы, вдруг ты полюбишь Нера?

Бансабира не разделила примирительного настроения отца. Проклятый лицедей!

— Когда ты женился на моей матери, когда спал с ней, ты представлял мать Руссы? — спросила в лоб.

— Не твое дело, — отозвался Свирепый, оценив выпад.

— Тогда ты поймешь меня как никто.

Сабир в сотый раз за разговор натужно выдохнул. Злиться на дочь трудно. Особенно в том, через что сам прошел.

— Постарайся улыбаться на свадьбе. Улыбка украшает даже красивую женщину.

— Любую женщину, — подчеркнула Бану, — украшают титул и богатство. Не знаю насчет последнего, а вот титул у меня есть, и при других обстоятельствах на него слетелась бы половина Яса.

— Весь.

В иной ситуации Сабир разворчался бы, а то и просто влепил дочери пощечину за такое признание: все же девица из танского дома при вступлении в брак обязана быть девицей, а не представлять в постели мужа кого-то из прошлых мужчин. Но Бансабира ведь не выросла в Ясе, а это все объясняет, решил тан.

Протянув по столу руку, он сжал пальцы дочери.

— Какой он?

Бану отвела глаза в сторону:

— Похож на Маатхаса, только моложе лет на семь.

Отчего-то Сабир облегченно выдохнул:

— Я уже переживал, что это Юдейр, — с извиняющимся видом улыбнулся тан. Бансабира донельзя дерзко хмыкнула. — Ну, знаешь, до меня доходили кое-какие слухи. Люди всякое болтают.

Бансабира высвободила руку и, смерив отца взглядом, пренебрежительно проговорила:

— Точно, а еще говорят, будто я избранница самой Матери Сумерек, будто бегаю как молния, невидимая, как тень, будто мои ножи вырастают из тела и меня нельзя убить. Да только ты, тан Сабир, первым в этом лагере увидел мою спину.

Вышла. Вновь не дав отцу закончить. У Сабира в глазах темнело от самоуправства дочери. Она, конечно, в итоге делает, что ему надо, но всегда все ухитряется подать так, будто сама соблаговолила принять решение и снизить до просьб молящего — его, Сабира. Тьфу, капризная девчонка!

Но разве не ради нее он с новой силой принялся воплощать задуманное? И разве не благодаря ей у него вообще появился для этого шанс?

Высокое солнце слепило. Бансабира вышла на улицу и встретила глаза в глаза со стоявшим поодаль Маатхасом. И чуть не задохнулась от одного взгляда на него. Чувство было таким, будто грудь насквозь пробило копьем. На глазах выступили слезы. Бансабира отвела взгляд, сдерживая капли, собралась с духом и пошла навстречу. Выбора не было — ее шатер располагался далеко за спиной Маатхаса.

Мужчина держался, не скрываясь. Проходя мимо него, танша немного задержалась.

— Мне жаль, — выговорила тихо. А чего он еще от нее ждет?! Люди — хозяева только невысказанных слов и рабы тех, что обронили вслух. Маатхас слышал все.

Мужчина с упавшим сердцем заметил, что глаза Бану блестящие.

— Могу я вас проводить, тану? — вежливо и даже немного ободряюще спросил Сагромах. Бансабира кивнула, не глядя на мужчину, потому что смотреть на него стало невыносимо больно. Последние пять недель она как дурочка втайне радовалась, что наконец-то ее цели, ее долг и ее желания, кажется, совпали! Рядом с ним, с Сагромахом — за обедами, за ужинами, на тренировках, на биваках, — Бану впервые за минувший год перестала вспоминать Астароше. А последнюю пару недель — перестала искать его в Маатхасе...

Когда двое в молчании зашли в шатер танши, Бансабира села на застланную землю, обхватив колени и подперев ладонью лоб.